

Дань-Дань, находясь в объятиях Янь Сюя, вертелся из стороны в сторону, показывая, что хочет спуститься и поиграть. Янь Сюй предупредил его, чтобы он не забирался на деревья, не подходил к пруду и избегал людных мест, и только после этого отпустил. Как только Дань-Дань оказался на земле, он тут же забыл, кто он такой, и помчался вперёд, словно дикий конь, сорвавшийся с привязи.

Оставшиеся на месте Янь Сюй и Цзин Цичэнь переглянулись. Впервые они заметили, что Дань-Дань может быть таким активным. Цзин Цичэнь, глядя на профиль Янь Сюя и его глубокие чёрные глаза, всё больше ощущал чувство знакомства. Он осторожно спросил:

— Ты помнишь, что происходило в твоём детстве?

Если Янь Сюй действительно принадлежал к тому виду, о котором он думал, то у представителей этого вида не было воспоминаний о детстве. Став взрослыми, они полностью забывали всё, что было раньше.

Янь Сюй, недоумевая, ответил:

— Конечно, помню. Моя память ещё не настолько плоха.

Цзин Цичэнь промолчал, и тогда Янь Сюй спросил в ответ:

— А вы, господин Цзин? Почему вы переехали в наш жилой комплекс? Вы не выглядите как человек, который жил бы в таком месте.

Цзин Цичэнь усмехнулся:

— А где, по-твоему, я должен жить? В элитном коттеджном посёлке? Ездить на спорткаре и пить воду за пятьсот юаней за бутылку?

Янь Сюй вспомнил медлительный внедорожник Цзин Цичэня и не смог сдержать смеха.

Цзин Цичэнь замер:

— Ты засмеялся.

Янь Сюй растерянно спросил:

— А мне нельзя смеяться?

Цзин Цичэнь покачал головой:

— Редко вижу, как ты смеёшься.

— Я же не каменное лицо. — Янь Сюй, устав стоять, сел на траву и протянул Цзин Цичэню

бутылку воды из своего рюкзака, забыв, что тот обычно не пьёт такую воду.

Цзин Цичэнь взял бутылку, открутил крышку и, не выражая никаких эмоций, сделал глоток.

Только тогда Янь Сюй вспомнил:

— Разве вы, господин Цзин, не пьёте воду извне?

— Иногда можно и попробовать. — Цзин Цичэнь держал бутылку в руке и, несмотря на брюки от костюма, сел на траву.

Они сидели рядом, наблюдая, как Дань-Дань вдали гоняется за бабочкой.

Янь Сюй, подперев подбородок рукой, задумчиво пробормотал:

— Какой будет Дань-Дань, когда вылупится?

— Не знаю, не могу разглядеть. — Цзин Цичэнь не лгал. Обычно он мог определить облик любого оборотня, чья сила была ниже его собственной. Но с Дань-Дань это не сработало. Либо это был могучий оборотень, вселившийся в яйцо, либо он что-то упустил.

Янь Сюй тоже не ожидал, что получит от Цзин Цичэня какие-то подсказки.

— Господин Цзин, чем вы занимаетесь? — Янь Сюй, чтобы избежать неловкого молчания, задал вопрос.

Цзин Цичэнь ответил:

— Безработный.

Янь Сюй промолчал.

— Не веришь? — Цзин Цичэнь откашлялся. — На самом деле я капитан космического флота.

— Пфф. — Янь Сюй не сдержался.

Цзин Цичэнь спросил:

— Что кажется более правдоподобным: безработный или капитан космического флота?

Янь Сюй действительно задумался:

— Пожалуй, капитан космического флота.

Цзин Цичэнь рассмеялся:

— Неплохо, смог выкрутиться.

— Вы не похожи на обычного человека. — Янь Сюй посмотрел на Цзин Цичэня с предельной серьёзностью. — Вы отличаетесь от нас.

Возможно, взгляд Янь Сюя был слишком пронзительным, но Цзин Цичэнь почувствовал себя неловко. Он отвел глаза, наблюдая, как Дань-Дань после долгих усилий наконец дотронулся до бабочки. Он осторожно приближался, осторожно касался, но не причинил бабочке никакого вреда.

Цзин Цичэнь улыбнулся:

— Ничем не отличаюсь.

— Тётушка Чэнь сказала, что убила перепёлку. Эта перепёлка — мисс Ань? — Янь Сюй давно хотел задать этот вопрос, но не знал, как подступиться.

— Не лезь в это. Ты ничего не изменишь. Она уже сбилась с пути, и вернуть её невозможно. — Цзин Цичэнь не испытывал к тётушке Чэнь особых чувств. Даже если они и были, это была лишь дружба за одним обедом, и этой дружбы было недостаточно, чтобы он пошёл на большие жертвы ради неё.

Янь Сюй удивился:

— Господин Цзин, вы уже знали об этом?

Цзин Цичэнь кивнул:

— Её почти поглотила чёрная туманность. Ты не чувствуешь этого, и это нормально. Дань-Дань, должно быть, тоже это почувствовал.

Для Янь Сюя тётушка Чэнь не была плохим человеком. Она была немного замкнутой и стеснительной, не слишком общительной, но доброй и отзывчивой. Просто она не смогла устоять перед невзгодами и потеряла себя. Янь Сюй тихо вздохнул, сожалея о ней.

— Господин Цзин, вы были заняты в последнее время? Мне кажется, я давно вас не видел. — Янь Сюй допил последний глоток воды, выбросил пластиковую бутылку в мусорный бак и вернулся под дерево. Он видел величественные природные пейзажи, поэтому однообразный сад его не впечатлял.

Цзин Цичэнь кивнул:

— Да, но только несколько дней. Скоро всё закончу.

Янь Сюй колебался, но в конце концов не удержался и спросил:

— Господин Цзин, я потерял нефритовую подвеску. Это единственная вещь, которую оставили мне родители. Я обыскал каждый уголок дома, но не нашёл её. У меня дома бывали только вы, тётюшка Чэнь и Сяо Дуньэр. Вы — человек выдающихся способностей. Можете ли вы почувствовать, где она находится?

Для Янь Сюя важность этой подвески заключалась не в её материальной ценности, а в том, что она символизировала. В его глазах, независимо от качества нефрита, она была бесценной. Он не хотел тайно подозревать кого-либо, предпочитая говорить открыто, вместо того чтобы считать всех вокруг плохими.

Цзин Цичэнь спросил:

— Когда ты в последний раз касался этой подвески?

Янь Сюй подумал:

— Примерно четыре дня назад.

— Протяни руку.

Янь Сюй послушно протянул руку. Линии на его ладони прерывались посередине, что в народе называют «разорванной ладонью». Говорят, что у мужчин это знак удачи и богатства. Ладонь Янь Сюя была не слишком широкой, а пальцы — длинными и тонкими, как у пианиста.

Цзин Цичэнь положил свою руку на ладонь Янь Сюя. Его рука была больше, шире, но при этом изящной, с врождённым благородством в каждом движении.

Когда их руки соприкоснулись, Янь Сюй невольно отступил на шаг. Он почувствовал что-то странное, но не мог понять, что именно. Это ощущение было совершенно новым, никогда ранее не испытанным.

— Она в руках у кого-то. — Внезапно сказал Цзин Цичэнь. — У человека, которого ты не знаешь, но которого знаю я.

— А? — Янь Сюй не понимал. Он не принимал у себя друзей господина Цзина.

Цзин Цичэнь, казалось, читал его мысли:

— Это не друг. Если уж на то пошло, у нас с ним есть некоторые разногласия.

Это ещё больше запутало Янь Сюя. Получалось, что враг господина Цзина украл его вещь. Но зачем? Чтобы заставить его подозревать господина Цзина или тётюшку Чэнь? Это было просто абсурдно.

— Твоя нефритовая подвеска — редкая вещь. На ней лежит печать злобы, и носить её вредно для здоровья. Даже хранить дома она может повлиять на удачу. Потеря — это скорее благо. — Сказал Цзин Цичэнь. — Для тех, кто недоволен или неустойчив умом, эта подвеска — смертный приговор.

Возможно, потому что он уже стал свидетелем множества необъяснимых вещей, которые совершал Цзин Цичэнь, Янь Сюй не сомневался в его словах. В конце концов, с его способностями господину Цзину не было нужды обманывать его. Янь Сюй сжал губы:

— Это единственное, что оставили мне родители, и оно оказывается нечистым?

Янь Сюй не плакал, его лицо оставалось бесстрастным.

Но в глазах Цзин Цичэня он выглядел как обиженный ребёнок, который не мог найти, на кого излить свои слёзы, и потому проглатывал их все. Цзин Цичэнь не смог удержаться и потрепал Янь Сюя по голове. Волосы у него были мягкими, приятными на ощупь.

Дань-Дань к этому времени устал. Он покачался, словно прощаясь с пролетевшей бабочкой и полевыми цветами.

Дань-Дань запрыгнул в объятия Янь Сюя и прижался:

— Дань-Дань устал, Дань-Дань хочет спать!

Янь Сюй взял Дань-Даня на руки, положил его в рюкзак и повернулся к Цзин Цичэню:

— Господин Цзин, вы возвращаетесь?

Цзин Цичэнь тоже взял велосипед и, одетый в костюм и туфли, с лёгкостью нажал на педали:

— Пойдём.

— Господин Цзин, вы не укачаетесь на велосипеде? — Янь Сюй немного беспокоился. Цзин Цичэнь так сильно страдал от укачивания, что был похож на пьяного, теряя сознание.

Цзин Цичэнь замер, притворно рассердившись:

— Ты всё ещё помнишь прошлый раз?

Янь Сюй поспешно замахал руками:

— Нет, ладно, не буду спрашивать.